

ПИСЬМА Н. ГРЕКОВА КЪ Ѳ. А. КОНИ

I.

Юля 13-го 1856 г.

Ваше письмо, какъ успокоительный пластырь легло на мою больную душу, любезнѣйшій и добрѣйшій Ѳедоръ Алексѣевичъ! а оно дало мнѣ нѣсколько истинно отрадныхъ минутъ, столь рѣдкихъ для меня съ того времени, какъ я схоронилъ моего Ѳедора. Я читалъ и перечитывалъ его нѣсколько разъ сряду. Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю за это утѣшеніе, въ которомъ такъ нуждается вашъ старый и преданный вашъ товарищъ. Сложить въ могилу цѣлый міръ надеждъ, въ 48 лѣтъ, когда перспектива жизни съ каждымъ днемъ становится уже и короче, не легкое дѣло, добрый другъ мой! Благодарю Господа, пославшаго мнѣ силу нести этотъ тяжелый крестъ, подъ которымъ однако не твердо иду я—спотыкаюсь и падаю часто. Еще болѣе благодарю Его за то, что при всѣхъ сильныхъ ударахъ, поражавшихъ меня въ жизни онъ всегда будилъ въ душѣ уснувшую вѣру и вливалъ въ нее упованіе на свое милосердіе. Безъ нихъ я не хотѣлъ бы жить пять минутъ въ этомъ слишкомъ грустномъ для меня мірѣ. Смерть моего милаго незабвеннаго отрока, котораго оплакиваютъ даже посторонніе люди, кажется, навсегда покрыли для меня траурною завѣсью и жизнь и природу. Я такъ пристально глядѣлъ всегда на мое солнце, что теперь, куда бы не взглянулъ, вездѣ вижу однѣ темныя пятна. Образъ этого мальчика во всемъ видятъ глаза мои, а тоска по немъ дѣйствуя на мои и безъ того раздражительные нервы, такъ бываетъ сильна, что порою выходитъ за границы нормальнаго состоянія. Бываютъ такія минуты, что, если бы не было стыдно, я бы кричалъ отъ нея, какъ кричатъ отъ нестерпимой физической боли. Въ это время я ухожу всегда въ ограду церкви, находящейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего дома и окруженной двумя тѣнистыми великолѣпными садами,

Тамъ, въ кругу восьми безцѣнныхъ для меня могилъ, осѣняемыхъ вѣтвями акацій, сирени и черемухи, я провожу каждый день часъ и два,—бесѣдую съ моими однокровными, молюсь и плачу, горько плачу. Поэзія могилъ—самая высокая поэзія, добрый другъ мой! Она вызываетъ на уста горячую молитву изъ самаго холоднаго сердца и раздуваетъ въ немъ заснувшую искру вѣры. Прочь, Гегели и Шеллинги, со всѣми своими великолѣпно туманными системами! Какое дадутъ они утѣшеніе моему больному, разбитому горемъ сердцу, которому такъ отраднo вѣрить словамъ Того, Который сказалъ: „въ дому Отца моего обителей много“ или: „придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и я успокою васъ“? Никакого,—напротивъ—они постараются убить послѣднее мое упованіе, эти великіе люди.

Наплакавшись до сыта я возвращаюсь домой съ утомившейся тоскою и какимъ то отраднѣмъ чувствомъ. Слезы—животворная влага для души угнетенной горемъ, онѣ смываютъ съ нее многое, многое....

Chaque larme, infant,
Lave quelque chose!

сказалъ В. Гюго, и сказалъ истину

Но простите, ради Бога, простите меня, если я слишкомъ далеко увлекся моимъ горемъ и наскучилъ вамъ своими іереміадами! Что дѣлать, душа требуетъ изліяній, безъ которыхъ, право, разорвалось бы мое сердце, переполненное скорбью.

. . . . .

Любя вашъ Пантеонъ и желая ему всего лучшаго, я надѣюсь въ скоромъ времени прислать вамъ драгоцѣнную вещь: стихотворенія А. С. Грибоѣдова. Ихъ очень много у одного изъ моихъ коротко-знакомыхъ, именно: у Степана Никитича Бѣгичева, истиннаго друга автора Горе отъ ума. Эта комедія была писана у него въ деревнѣ, и я часто сижу въ той бесѣдкѣ, гдѣ замыслились всѣ характеры этого безсмертнаго произведенія. Наши семейства очень дружны между собою и въ первый разъ, какъ я поѣду къ нему или онъ будетъ у меня я возьму эти стихотворенія и тотчасъ пришлю къ вамъ. Два года назадъ этотъ почтенный и замѣчательный старикъ, во многихъ отношеніяхъ, навязывалъ на меня работу, отъ которой я отказался и по недостатку времени, и по лѣни—неизлѣчимой во мнѣ болѣзни. Онъ хотѣлъ чтобы я пересмотрѣлъ и переправилъ статью, написанную имъ о Грибоѣдовѣ, бывшимъ съ нимъ неразлучно съ самой ранней молодости.

дости до отправленія своего въ Персію. Я возьму у него и эту статью и доставлю ее къ вамъ, а вы ужъ потрудитесь сами и выправите ее. Эти стихотворенія и статья будутъ капитальныя вещи. Имъ позавидуютъ многія журналы. Пришлю вамъ такъ же прошлое стихотвореніе Пушкина, которое никогда, нигдѣ не было напечатано. Приложилъ бы его къ этому письму, да не отыскалъ его еще въ моихъ бумагахъ, а наизусть помню только его начало, которое напишу здѣсь для того, чтобы вы могли по немъ справиться не попало ли оно въ изданіе Анненкова, а его я не имѣю. Вотъ оно:

Я жизнь люблю, когда полна
Игривыхъ, сладостныхъ мечтаній,
Она была озарена
Синіемъ яркихъ уюваній
И наслажденіемъ отдана.

Вы меня увѣдомьте объ этомъ поскорѣе и вмѣстѣ съ этимъ увѣдомленіемъ, будьте такъ обязательны—скажите мнѣ: были ли напечатаны въ „Пантеонѣ“ (начиная съ 1849 до 1854-го года я не читалъ его) два отрывка присланные мною: „Демонъ и женщина“, которые посвящены мною Бѣгичеву. Если они не были напечатаны, то, ради всѣхъ музъ, прошу васъ напечатать ихъ! Старикъ не даетъ мнѣ отдыха,—такъ нравится ему мой демонъ. Въ то время, когда я прислалъ къ вамъ эти два отрывка (кажется въ 51-мъ или въ 52-мъ году) они вѣроятно не могли быть пропущены цензурой, но теперь „другіе дни—другое дѣло“, какъ сказалъ Языковъ.

На вопросъ вашъ: намѣренъ ли я печатать отдѣльною книжкою мои стихотворенія, отвѣчаю вамъ вопросомъ: печатать или нѣтъ? что вы скажете, на то я и рѣшусь. Если вы присовѣтуете, въ такомъ случаѣ я много выкину пьесъ изъ старой тетради, многія выправлю и много прибавлю новыхъ. По увѣдомленіи вашемъ составлю новую тетрадь стихотвореній и пришлю ее къ вамъ въ полное ваше распоряженіе.

Что еще сказать вамъ?—Черезъ Московскихъ моихъ знакомыхъ я получилъ приглашеніе отъ Русскаго Вѣстника и Русской бесѣды. Современникъ такъ же передаетъ его мнѣ черезъ моего корреспондента, но до сихъ поръ я еще ничего не посылаю да и врядъ ли пошлю: не люблю славянофиловъ, да и вообще не охотникъ до Московскихъ журналовъ, хотя въ Рус. Вѣст. есть дѣльныя ученныя статьи и славныя стихи Огарева, а въ Русск. Бесѣдѣ два замѣчательныхъ стихотворенія И. Аксакова. Да Богъ съ ними! Я остаюсь только вѣренъ

своему Пантеону, у котораго однако же, пора мнѣ выслужить мундиръ за безпорочную 18-ти лѣтнюю службу и надежду, что онъ когда нибудь напечатаетъ мою физіономію, которая, право, не хуже физіономіи В. Зотова.

Когда посылаемые мною стихи будутъ напечатаны, я пришлю вамъ еще два стихотворенія, съ которыми въ самомъ началѣ 1855 года Панаевъ разстался съ сокрушеннымъ сердцемъ: они не были пропущены цензурою. Съ ними вмѣстѣ въ подарокъ Пантеону повѣсть, бывшую также въ редакціи Современника въ то время и претерпѣвшую одинакую участь съ этими стихотвореніями, отъ цензуры: такъ искрестили ее, что надо было переписывать снова. Но теперь можетъ быть позволять ее напечатать.

На предложеніе ваше, чтобъ я перевелъ означенныя вами драмы, скажу вамъ, что въ настоящее время я не могу предпринять никакого труда, требующаго усидчивости: боленъ душой и тѣломъ. Въ первой тоска смертельная, во второмъ цѣлая коллекція человѣческихъ немощей: разстройство нервъ, печени, геморрой, ревматизмъ и катаръ—„чего хочешь, того просишь“.

Очень жалѣю, что моего старшаго сына нѣтъ дома въ настоящее время: я бы прислалъ вамъ нѣсколько музыкальныхъ пьесъ его, для приложенія къ Пантеону. За всѣ скорби, которыми богата жизнь моя, Богъ послалъ мнѣ въ отраду добрыхъ дѣтей и все артистовъ.—Есть музыкантъ, пѣвецъ, музыкантши и пѣвицы, есть живописецъ и, слава Богу, ни одного поэта!

Но пора кончить длинное мое посланіе, отъ котораго, я думаю, вы порядочно устали. Три листа! легко сказать, а каково пречестъ! За то какъ я отдохнулъ душою, бесѣдуя съ вами на нихъ, добрый другъ мой! Видите эгоизмъ—это вездѣ впереди у человѣка. Что дѣлать,—видно такъ созданы.

Съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего отвѣта. Не замедлите утѣшить меня.

Искренне преданный вамъ

Н. Грековъ.

Р. С. Сейчас получилъ 4-й № Пантеона и не могу (въ предосторожность вамъ) не замѣтить, что стихотвореніе К. Павловой, „люблю я васъ“ было напечатано въ прошломъ году въ Отечеств. Запискахъ. Жалѣю, что я не живу постоянно въ Москвѣ, я цѣлю бы кучу прислать вамъ ея стиховъ, мы очень хорошо съ нею знакомы. По моему мнѣнію изъ женщинъ поэтовъ, она у насъ первая.

Посылаю мою повѣсть теперь, прилагая къ ней особый листикъ замѣтокъ.

II.

Ямбъ и хорей мнѣ давно надоѣли, какъ многое въ жизни,
Годны они лишь дѣтей забавлять погремужкою риемой.
Нѣтъ за гексаметръ берусь я, и имъ начинаю посланье
Къ вамъ, добрый другъ и товарищъ, въ отвѣтъ на привѣтъ благозвучный.

Дружески жму Вашу руку, сто разъ говоря вамъ: спасибо!—
Взятое прямо со дна угнетеннаго горестью сердца.
Да, ваша память меня оживила надеждой отрадной,
Свѣтлый мнѣ день подаривъ въ этой жизни безцвѣтной и скучной.
Право, я думать ужъ началъ, что времени этого злого
Чадо,—забвенье, которое все здѣсь заносить, какъ замать
Зимней порою дороги—меня въ вашей памяти, другъ мой,
Такъ же навѣкъ занесло и въ холодную Лету спустило.
Этой я смерти страшился всегда, не страшася могилы.
Дружески жму вашу руку за память и теплыя строки
Что же скажу вамъ? о приемахъ моихъ говорить ли вамъ снова?
Право я вамъ благодаренъ душою за вашу заботу,
Добрый мой другъ, о судьбѣ этихъ выходцевъ жаркихъ изъ
сердца.

Но откровенно скажу-ль вамъ: да, я къ ихъ судьбѣ равнодушенъ.
Что мнѣ за дѣло, что выйдутъ они или не выйдутъ въ печати
Цѣлюю книгой въ забаву иль скуку холодному свѣту!
Въ тысячу разъ мнѣ пріятнѣй ихъ видѣть въ листкахъ Пантеона,
Гдѣ вы даете пріютъ имъ, вы строгій цѣнитель искусства.
Мысли безумной: извѣстность стяжать, я лелѣять не смѣю.
Нѣсколько звуковъ удачныхъ излившихся прямо изъ сердца,

Съ свѣтлою мыслью и полныхъ горячаго чувства, я знаю:
Тронувши чье нибудь сердце глубоко своимъ благозвучьемъ,
Имя мое не оставять другимъ поколѣньямъ на долго.
Да и правду сказать я бѣ отрады большой въ томъ не видѣлъ:
Бѣдное счастье извѣстность безъ счастья другого на свѣтѣ
Весь его блескъ въ перелетной молвѣ, въ восклицаньяхъ восторга,
Въ этомъ гремящемъ порывѣ похвалъ и разумныхъ и глупыхъ,
Свѣтлаго дня къ моей жизни ему бы никогда не прибавить.
Нѣтъ, я искусство люблю для искусства, какъ цѣль, а не средство—
Или пожалуй какъ средство: отрадную сладкую каплю
Смѣшивать съ горькимъ напиткомъ на пирѣ холодномъ у жизни.
Эту я каплю купилъ дорогою у рока цѣною;
Молоть судьбы ее выбить, изъ полного горечью сердца.
Въ жизни поэзія: роза въ гирляндѣ изъ терньевъ колючихъ,
Лучъ отдаленной звѣзды, окруженной и хладомъ, и мракомъ,
Жалоба странная небу на бѣдность земныхъ наслажденій
Или, быть можетъ (отрадная мысль!)—въ ней просвѣтъ луче-
зарный

Ярко блестящаго дня за холодной и темной могилой.
Между житейскихъ волненій, печали завѣтъ и страданій.
Пью ароматъ этой розы, любуюсь ея красотою
Дружески жму вашу руку за память и милыя строки.

Н. Грековъ.

Р. S. И за отправленный мнѣ Пантеонъ; но его я не вижу.
Въ городъ Ефремовъ приѣхать ему по желѣзной дорогѣ.
„Нѣтъ, не бывалъ онъ“, одинъ я отвѣтъ уже пятый разъ слышу.
Чудная вещь! непонятная вещь! говорю я какъ Глинка.
Что же съ нимъ случилось, и гдѣ же онъ гость мой желанный?
Жалуюсь вамъ на него, какъ отцу на пропавшаго сына;
Право, мнѣ кажется онъ надо мною смѣется жестоко.
Я же давно его жду, распростерши широко объятъя.
Вы, какъ отецъ его, добрый мой другъ, попеняйте за это
Да поскорѣе его на свиданье ко мнѣ прогоните,
Есть вѣдь на это квитанція и пропадать онъ не можетъ.

Сообщено А. О. Кони.